

Мерedit Джордж

**Эмилия в Англии. Роман Д.
Мередита**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д42

Д42 **Джордж М.**
Эмилия в Англии. Роман Д. Мередита / Мередит Джордж – М.: Книга по Требованию,
2024. – 480 с.

ISBN 978-5-519-96257-5

ISBN 978-5-519-96257-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

онъ совершенно опрокидывалъ ихъ политику, заставляя ихъ дѣйствовать, какъ дѣйствуютъ простыя молоденькія барышни, заставляя сильнѣе ощущать подобныя вещи и мстить за нихъ. Брукфильдскія барышни допустили сдѣлаться извѣстнымъ, что въ домашнемъ быту они были не просто Полюсы, но одна обыкновеннымъ Полюсомъ, другая Полярнымъ, а третья Сѣвернымъ. Полюсь, Полярный Полюсь и Сѣверный служили опредѣленіемъ трехъ оттѣнковъ той отдаленности, которую барышни могли сообщать своимъ поклонамъ: это была форма привѣтствія, которую онѣ съ особеннымъ наслажденіемъ считали своею собственностью, — былъ методъ, изобрѣтенный ими для того, чтобъ избѣгать докучливости виѣшняго свѣта и держать въ почтительномъ отдаленіи всѣхъ незнакомыхъ, пока они не окажутся достойными приближенія. Этому методу въ смягченной формѣ подчинялись иногда даже друзья. Арабелла, старшая, и Адель, младшая, отъ времени до времени мѣнялись своими полюсами, — но Корнелія никому не уступала полюса сѣвернаго. Она была красивѣйшею изъ трехъ; имѣла благородную осанку, — глаза ея не лишены были нѣжности, когда она сбрасывала съ себя вооруженіе. Передъ несчастными чужими, она, въ своихъ воинственныхъ dospѣхахъ, была настоящимъ Бритомартъ. Ей кланялись какъ ледяной скалѣ, которая отвѣчала съ оледеняющимъ равнодушіемъ плавающего колосса, когда зимнее солнышко выбрасываетъ изъ своего арктическаго сакъ-вожа весьма слабые лучи. Такое подобіе должно принять во всей его силѣ, потому что всякое другое не выразитъ того пренебреженія къ людямъ, которое обнаруживала эта миловидная, церемонная леди; сердце ея требовало, чтобы въ особѣ ея мужа соединялся лордъ, философъ и христіанинъ, — ко всему этому онъ долженъ быть членомъ парламента. Отсюда происходитъ ея суровость къ обыкновеннымъ людямъ.

Когда брукфильдскія леди слышали, что Полюсь, Полярный и Сѣверный полюсь, великолѣпныя изображенія ихъ самихъ, были переименованы Тинлеями въ Полю (колю), Полони (жердь) и Мэйполь (вѣха), онѣ конечно хохотали надъ этимъ съ большимъ презрѣніемъ; но страшная сила насмѣшки раздражала ихъ и требовала отомщенія. Онѣ не могли понять, отчего такая грубая вещь должна ихъ огорчать. Пущенная стрѣла воззвизлась въ тѣло.

Итакъ между Тинлеями и Полюсами существовала вражда; и когда мистеръ Перикль совершенно отказался отъ дома первыхъ, то Тинлеи познаградили его за это распространеніемъ молвы, всевозможнымъ образомъ толковавшей объ его отвратительно дурныхъ манерахъ. Онъ былъ грекъ парижской полировки, парижская шляпа котораго при необходимыхъ поклонахъ слетала съ головы моментально, и у котораго разлазалось злобное ворчанье при малѣйшей досадѣ. Его разго-

воръ объ извѣстѣйшихъ примадоннахъ, которыхъ называлъ онъ просто по имени, равнодушіе, съ которымъ онъ отзывался о знакомыхъ ему коронованныхъ особахъ, государственныхъ сановникахъ и аристократическихъ личностяхъ, какъ о предметахъ, стоявшихъ ниже музыкальнаго искусства, придавало Брукфильду отличный тонъ, достоинство котораго нисколько не уменьшалось отъ его французскаго акцента при употребленіи англійскаго языка.

Мистеръ Перикль дѣлалъ язвительную гримасу, когда кто нибудь рѣшался произносить похвалу таинственному голосу въ сосновой рощѣ. Похлопывая однимъ пальцемъ по приподнятому концу другаго, онъ замѣчалъ, что пѣть подъ открытымъ небомъ въ ночномъ воздухѣ англійской весны совершенно невозможно, и доказываетъ безуміе поющаго; а безумные пѣть вовсе не могутъ. Пѣніе составляетъ высшее дарованіе, которымъ можетъ похвалиться человѣкъ. Понятно ли, миледи? спрашивалъ онъ. Для нихъ понятно было одно только, что онъ превосходно поддерживалъ мистификацію. Въ свою очередь, онѣ спрашивали, не согласится ли онъ вмѣстѣ съ ними выслѣдить этотъ голосъ, прибавивъ, что для него онѣ его поймутъ. — А я поймаю для себя простуду, сказалъ онъ, пожавъ плечами и въ то же время создавая, что долженъ будетъ отправиться. Онъ сопротивлялся такъ сильно, что леди принуждены были прибѣгнуть къ повелительному тону, и когда наконецъ онъ согласился составить имъ компанію, онѣ поблагодарили его съ едва замѣтной притворной теплотой, воображая, что доставили ему величайшее удовольствіе.

Въ Брукфильдѣ находился и братъ Полюсовъ, Вильфридъ. Шесть мѣсяцевъ, какъ онъ возвратился изъ Индіи больнымъ корнетомъ легкой кавалеріи, съ репутаціей отличнаго военнаго офицера и съ видами на полученіе медали. Въ глазахъ сестеръ Вильфридъ казался истиннымъ героемъ: теперь онъ былъ ихъ охранителемъ. Онѣ вѣжно любили его и восхищались имъ, когда требовала того необходимость; собственныя ихъ ощущенія относительно его военныхъ подвиговъ истощились, и онѣ воображали, что онъ служилъ для ихъ цѣли. Кромѣ того, онѣ говорили, что храбрость не составляетъ умственнаго качества. Эти дочери негодяпта, Самуэля Болтона Полюса или Поля, одарены были самыми возвышенными стремленіями. Онѣ старались непрерывно возвышаться. Короче сказать, это были честолюбивыя дѣвушки, стремившіяся, сами не зная къ какой цѣли; онѣ знали только, что имѣли въ виду что-то столь обширное, что нельзя было дать этому пространству какое нибудь названіе, и столь высокое, что никакой взоръ не въ состояніи былъ бы достигнуть крайняго предѣла. Онѣ много сознавали, что сфера ихъ не нравилась имъ. Поэтому онѣ постоянно распространяли и улучшали ее, и распростра-

няли, быть можетъ, для того, чтобы ее улучшить. Ихъ воспримчивая чувствительность требовала того, чтобы онѣ держали себя внѣ городской сферы. Не имѣя матери, онѣ управляли отцовскимъ домомъ и самимъ отцомъ, и вообще были предводительницами такихъ силъ, какія могли собрать въ свое распоряженіе.

По всему можно было видѣть, что онѣ были сентиментальныя особы. Говоря иначе, онѣ воображали, что исключительно обладаютъ самыми нѣжными чувствами и понимаютъ самые тонкіе оттѣнки чувствъ. Это объясняетъ и ихъ наклонность къ «возвышенію», объясняетъ раздраженіе отъ окружающихъ ихъ матеріальныхъ препятствій, и по всей вѣроятности философъ будетъ теперь имѣть въ виду источникъ для истолкованія того необыкновеннаго чувства превосходства предъ человѣчествомъ, которое отражалось на ихъ самодовольныхъ лицахъ.

Но философъ да не поспѣшитъ осуждать ихъ, какъ наклонныхъ къ изнѣженности. Подобные люди приходятъ къ намъ вмѣстѣ съ цивилизаціей. Совершая свой путь, они помогаютъ намъ цивилизоваться. Сентиментальныя личности представляютъ собою совершенно естественное произведеніе тучной почвы. Богатыя общества *должны* производить ихъ. Если мы съ нѣкоторымъ вниманіемъ посмотримъ на происхожденіе сословій, то увидимъ, что нѣжныя чувства и тонкіе ихъ оттѣнки разыгрываютъ главную роль въ нашемъ гуманномъ развитіи и общественной исторіи. Не смѣю сказать, что цивилизованный челоѣкъ долженъ быть разсматриваемъ глазомъ натуралиста; но, по моему слабому пониманію, не могу не выразить идеи, что люди сентиментальныя составляютъ особенную породу, обязанную своимъ существованіемъ нѣсколько продолжительному періоду здороваго и вкуснаго питанія. Мнѣ возразятъ, что и поросенокъ также проходитъ такой періодъ питанія. Да, проходитъ. Но въ немъ процессъ этотъ не соединяется съ дурнымъ пищевареніемъ отъ восторженныхъ нѣмецкихъ романовъ. Тутъ есть та замѣчательная разница, что о немъ невозможно сказать, чтобы онъ принадлежалъ къ этой породѣ. Я утверждаю это передъ тѣмъ, кто даже внимательно прислушивался къ похваламъ, приносимымъ продавцами ветчины, удостоенной преміи.

Сказавъ такимъ образомъ о большихъ притязаніяхъ брукфильдскихъ лэди, было бы неумѣстно набрасывать ихъ портреты. Достаточно упомянуть, что онѣ могли служить украшеніемъ всякой гостиной, имѣли элегантныя привычки и вкусъ въ нарядахъ, и были всѣ прекрасны на взглядъ. Кромѣ того, Адель недавно вышла изъ пансіона. По наружности онѣ не были похожи на другихъ молодежькихъ барышень съ острымъ умомъ. Онѣ только что приступили къ выра-

женію своихъ душевныхъ ощущеній, производимыхъ ночной экспедиціей, когда судьбѣ угодно было послать имъ нѣчто такое, что привело ихъ въ сильное замѣшательство.

ГЛАВА II.

ПРОГУЛКА ПРИ ЛУННОМЪ СВѢТѢ.

Половина румяной восходившей луны показалась на окраинѣ востока, когда брукфильдскія лѣди, сопровождаемыя кавалерами, прошли, тихопоко напѣвая какіе-то мотивы, чрезъ ворота сада. Арабелла, по праву старшинства, завладѣла мистеромъ Перикломъ, но не безъ капризнаго, однакоже, замѣчанія со стороны Корнеліи, которая сказала: — Душа моя, ты должна допустить, что и я имѣю нѣкоторую способность увлекать мужчинъ.

— Конечно, мой другъ, отвѣчала Арабелла: — имѣешь; но вѣдь и я не лишена ея.

Эта пѣжная обмѣна словъ продолжалась съ полчаса и кончилась безъ всякихъ послѣдствій. Мистеръ Периклъ или чувствовалъ себя совершенно безсильнымъ для защиты отъ нападенія со стороны такихъ лукавыхъ соперницъ, или былъ равнодушенъ къ этимъ нападеніямъ, ибо всѣ его оборонительныя мѣры были направлены противъ холода. Онъ закутался въ медвѣжьей воротникъ, такъ плотно прикрывавшій его уши, что Арабелла должна была повторять ему всѣ свои вопросы и, такъ сказать, пробивать для своего голоса дорогу сквозь медвѣжью шкуру. Это было предосадно, не только потому, что удерживало натуральное теченіе разговора, но мѣшало также ея воображенію украсить впоследствии воспоминаніе о разговорѣ (а это служило для нея глубокимъ тайнымъ удовольствіемъ), не говоря уже о томъ, что каждое слово ея становилось достояніемъ вѣшняго свѣта. Надо принять за аксіому, что когда вы произносите вслухъ какуюнибудь сантиментальность, то непременно пара или болѣе ушей становится вашимъ циническимъ критикомъ. Сантиментальность требуетъ тайны. Я способенъ наслаждаться ею, и буду обращаться съ ней почитательно, если вы ее доверите мнѣ одному; но если ее услышитъ и мой другъ, то мы вмѣстѣ громко осмѣемъ ее.

— Неужели въ этомъ свѣтилѣ, въ лунѣ, нѣтъ никакой души? сказала Арабелла мистеру Периклу тихимъ впечатлительнымъ голосомъ, послѣ восторженнаго взгляда на румяное свѣтило. Фразу эту она должна была повторить; мистеръ Периклъ отозвался на нее эхомъ и притомъ самымъ непріятнымъ, монотоннымъ эхомъ: — Свѣтило?

Душа? прибавилъ онъ нѣсколько рѣзко, и наконецъ, высунувъ изъ подъ воротника часть уха, продолжалъ повторять слова такъ, что вопросъ Арабеллы потерялъ всякое значеніе:—Въ лунномъ свѣтѣ?

Арабелла приходила въ отчаяніе.

— Я сказала, что въ немъ, повидимому, должна быть душа,—начала она снова.

Словами: — Въ лунномъ свѣтѣ! — мистеръ Перикль грубо выразилъ свое согласіе. Но эти слова были такъ неудовлетворительны, что Арабелла должна была объяснить, что она «говоритъ не о лунномъ свѣтѣ, а о лунѣ», и повторивъ это три раза, въ отвѣтъ на грозный взглядъ изъ неприкрытыхъ рѣсницами глазныхъ бѣлковъ мистера Перикля, получила слѣдующее замѣчаніе, которое ея спутникъ не произнесъ, а проревѣлъ.

— Душа! Въ лунномъ свѣтѣ... то есть въ лунѣ? Да? Свѣтило есть душа! — Да.

И мистеръ Перикль снова утонулъ въ своемъ медвѣдѣ, между тѣмъ какъ Вильфридъ Поль, размахивая въ арріергардѣ своими длинными кавалерійскими ногами, расхохотался; а на лицѣ мистера Сомнера, много общающаго молодого адвоката, провожавшаго Корнелію, показалась чрезвычайно суровая улыбка. Арабелла была наказана за требованіе правъ старшинства. Она слышала журчащее теченіе разговора между Корнеліей и мистеромъ Сомнеромъ, достаточно ленимъ, чтобы сообщить ей, что это не игра фантазій; мало того, ясно было слышно, что разговоръ хорошо поддерживался, и ея сердце сильно томилось желаніемъ отыскать къ нему ключъ. Впереди шла Адель съ Эдуардомъ Боксли, который былъ ни болѣе, ни менѣе, какъ единственный сынъ богатаго альдермена, но имѣлъ удивительную способность рисовать каррикатуры и потому былъ полезенъ тамъ, гдѣ требовалось изобразить черты непріятной особы въ преувеличенномъ видѣ и показать, до какой степени эти черты были отвратительны, а изображая черты пріятныхъ особъ, показать, до какой степени они могли быть комичны. Носилась молва, что передъ тѣмъ какъ дочери мистера Поля убѣдили его употребить полновѣсную сумму на покупку Брукфилда, Арабелла принимала Эдуарда въ качествѣ искателя ея руки, по по той или другой причинѣ онъ повидимому лишился этого почетнаго званія. Говоря правду, Арабелла вообразила, что онъ просто повиновался ея желаніямъ, тогда какъ онъ упорно слѣдовалъ желаніямъ своимъ собственнымъ; а Адель, вовсе не вникая въ сущность этого вопроса, дѣлала дѣвственныя усилія представлять въ смѣшномъ видѣ нашъ полъ, избравъ для того особу Эдуарда: искусство, въ которомъ она общала многое.

Изъ длинныхъ черныхъ тѣней одинокихъ деревьевъ парка, и изъ

свѣтло-желтыхъ полость луннаго свѣта, они вдругъ перешли на глухія тропинки сосновой рощи. Мистеръ Перикль былъ невыносимо скученъ. Онъ задѣвалъ за сучья, спотыкался и дѣлалъ энергическія восклицанія: и хотя онъ не обращалъ особеннаго вниманія и не оказывалъ помощи прекрасной своей спутницѣ, тѣмъ не менѣе она не сердилась на него: до такой степени женщина можетъ быть героиней въ отношеніи ко всякому созданію, которое позволитъ окружить себя таинственностію. Но временамъ общество останавливалось и притихало, воображая, что ему слышится голосъ, но вслушавшись въ невозмутимую тишину, всѣ начинали смѣяться и снова топтать засохшій папоротникъ и мягкій мохъ. Наконецъ они рѣшительно остановились, и сдѣланное при этомъ предложеніе воротиться домой заставило Адель подойти къ мистеру Периклу и сказать:

— Нѣтъ, вы должны признаться! Вы запретили ей пѣть сегодня собственно для того, чтобы продлить мистификацію. Я смѣло могу сказать: какъ вамъ не стыдно!

Мистеръ Перикль, утѣряя, что изъ общества онъ одинъ болѣе всѣхъ мистифицированъ, вытянулъ шею, повернулъ голову, насторожилъ слухъ и произнесъ едва слышное изысканное: *All* — Дѣйствительно, это былъ голосъ, тихо и не въ дальнемъ разстояніи нарушившій тишину ночнаго воздуха. Спокойный свѣтъ не высоко еще поднявшейся луны прорывался сквозь шероховатыя сосновыя вѣтви. Голосъ завладелъ всѣмъ лѣсомъ, повидимому наполняя его, парилъ надъ нимъ, и былъ такъ звученъ и богатъ, такъ свободенъ и плѣнителенъ. Къ довершенію чуда, послышался аккомпаниментъ арфы, къ струнамъ которой прикасался хотя и слабо, но твердые пальцы. Голосъ женщины: это не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію. Скажите мнѣ, что открываетъ небо и что дѣлаетъ его болѣе свѣтлымъ для сердца и ума, какъ не голосъ женщины, возносящій чистые гармоническіе звуки къ голубому небосклону ночи, который при лунномъ освѣщеніи становится свѣтло-голубымъ? Въ ея пѣніи не было никакихъ фигуръ. Всѣ ноты были отчетливы, округлены и вняты. Это была величественная старинная итальянская арія, требующая силы и суровости звуковъ. Голосъ твердо опускался въ сильные печальные тоны. Одинъ мягкій аккордъ послѣдовалъ за окончательной нотой и слушатели вздохнули свободнѣе.

— Сраделла! сказалъ грекъ, сложивъ руки на грудь.

Музыкальные звуки произвели на молоденькихъ леди слишкомъ глубокое впечатлѣніе, чтобы продолжать надъ ними свои шутки. Истинное душевное волненіе съ разу устранило полудовѣріе, которое они допускали относительно своихъ догадокъ.

— Тс! она сейчас снова запоетъ, прошептала Адель.— Это очаровательнѣйшій контраalto.

— Позвольте мнѣ отъискать эту женщину! повелительнымъ тономъ вскричалъ прозаическій энтузіастъ, мистеръ Перикль, откинувъ на плечи медвѣжьій воротникъ, и всѣ пошли впередъ, слѣдуя за нимъ.

Въ серединѣ лѣса находилась песчаная насыпь, возвышавшаяся до половины высоты молодыхъ сосенъ, и окруженная зеленымъ валомъ, гдѣ нѣкогда какая-то старуха, закоснѣлая колдунья, сидѣла скорчившись и ни подъ какимъ видомъ не хотѣла отдаться властямъ, которыя требовали, чтобы она оставила свое мѣсто и сдалась имъ, — не могли они сдѣлать этого и силой, потому что колдунья улетѣла въ видѣ черной совы, крикъ которой и теперь часто раздается надъ этимъ мѣстомъ. Тощая сухая трава, крапива, большіе клочки зеленого и сѣраго моху покрывали теперь мѣсто обиталища бѣднаго стараго созданія, и луна, пропустивъ косвенные лучи сквозь чащу сосновыхъ деревьевъ, разсыпала бѣлые цвѣтки и снова скрывалась. По срединѣ этого пустынного мѣста приземистая сосна, корни которой частію были обнажены и какъ будто вцѣпились въ разрушающуюся насыпь, служившую ей опорой, далеко протягивала свои сучья. Въ тѣни ея сидѣла прекрасная пѣвица. Нѣсколько грустныхъ аккордовъ вовлекли любопытныхъ въ очарованный кругъ, хотя они ничего не могли видѣть, кромѣ блеска арфы и ряда пальцевъ, ласкавшихъ струны. Трудно угадать, какимъ образомъ она могла замѣтить нескромное приближеніе ихъ къ ней до того времени, когда они полукругомъ подошли къ ней на нѣсколько шаговъ. Повидимому она нисколько не сконфузилась, потому что, проигравъ прелюдію, пачала новую арію.

Очарованіе было теперь болѣе естественно, хотя и не менѣе сильно. Арія отличалась отъ первой: это не была чеканная музыка старинной школы, но имѣла богатство и полноту страстной крови, которыя отличаютъ итальянца новѣйшаго времени, — музыка, которая такъ поразительно выражаетъ всѣ чувства, всѣ движенія души. Въ одномъ мѣстѣ аріи, пѣвица собралась съ духомъ и взяла самую сильную ноту такъ вѣрно и съ такимъ чувствомъ, что когда голосъ ея сталъ затихать, слушатели не могли удержаться отъ выраженія глубокаго восторга.

Наступила неловкая минута. Дамы не хотѣли удалиться и въ тоже время ничѣмъ не могли оправдать продолжительность своего присутствія. Имъ хотѣлось завести разговоръ съ пѣвицей, и между тѣмъ они не могли придумать слова, которымъ бы начать его. Мистеръ Перикль вывелъ ихъ изъ затруднительнаго положенія; онъ сдѣлалъ нѣсколько

шаговъ впередъ, снялъ шляпу и попросилъ извиненія за неприличіе, въ которомъ они считали себя виновными.

Прекрасная пѣвица отвѣчала съ быстротою, обваруживавшею въ ней дѣвушку:

— О, оставайтесь, — прошу васъ, оставайтесь, если вамъ хочется!

Странная форма рѣчи — подумали брукфильдскія леди.

— Я чувствую, что пою гораздо лучше, когда меня слушаютъ, — прибавила она.

— Вы находите въ этомъ сочувствіе, не правда ли? замѣтила Корнелія.

— Не знаю, отвѣчала незнакомка съ самой непринужденной улыбкой. — Мнѣ это нравится.

Очевидно, она была не воспитанна.

— Должно быть странствующая пѣвица? прошептала Адель Арабеллѣ.

Во всякомъ случаѣ ее не нужно было упрашивать показать свое искусство; чистый, смѣлый и чрезвычайно сильный голосъ зазвучалъ подъ болѣе оживленный тактъ, возбуждая въ слушателяхъ радостное чувство, и потомъ вдругъ, совершенно неожиданно, безъ всякой рѣзкости перешелъ хотя и въ не менѣе звучную, но грустную мелодію.

Послѣ первыхъ мотивовъ замѣчено было, что мистеръ Перикль съ видомъ недоумѣнія нѣсколько разъ хватался за голову. Когда кончилась арія, онъ обратился къ пѣвицѣ съ тономъ, выражавшимъ досаду на незнакомство съ пьесой.

— Я не знаю ее? — Это итальянская... да, клянусь, это итальянская... Но откуда... кто написалъ ее? — Превосходно, очаровательно! Но все-таки не знаю, чья она!

— Моя, — сказала молоденькая пѣвица.

— Вы хотите сказать, миссъ, что это наша музыка?

— Я хочу выразить, что эту пьесу написала я.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ сказать вамъ: bravo!

Брукфильдскія леди сейчасъ же попросили проѣтъ ее снова; и одобрили ли ее онѣ болѣе или менѣе, когда авторъ сдѣлался известнымъ, не знаю, но похвалы ихъ были громче прежнихъ, и это, по-видимому, доставляло маленькой особѣ большое удовольствіе.

— И дѣйствительно, она нравится вамъ? — вскричала она.

Пьеса дѣйствительно имѣла правила, что доказывается уже тѣмъ, что онѣ сдѣлались внимательнѣе къ молодой пѣвицѣ, въ манерахъ которой было много наивности, и въ фигурѣ много привлекательнаго. Она, по ихъ мнѣнію, могла бы быть пріятнымъ предметомъ таинственности для разговора, но оказалось, что въ ней ничего не было таинственнаго.

— Я пришлабы пѣтъ къ вамъ, сказала она:—я могла бы пѣтъ цѣлую ночь, но на фермѣ не будутъ держать ужина для меня до поздней поры, и я, если опоздаю, то должна буду лечь спать голодная.

— Вамъ далеко идти отсюда? спросила Адель.

— Только до фермы Вильсона; минуть десять ходьбы черезъ лѣсъ,—отвѣчала пѣвица, нисколько не колеблясь.

Арабелла пожелала узнать, часто ли она приходитъ на это прекрасное мѣсто.

— Каждый вечеръ, когда нѣтъ дождя, было отвѣтомъ.

— Вѣрно вы чувствуете, что это мѣсто доставляетъ вамъ вдохновеніе? сказала Корнелія.

— Я обязана приходить сюда. Добрая старушка на фермѣ больна; она говоритъ, что слышать цѣлый день музыку для нея тяжело, и потому я должна приходить сюда, иначе мнѣ не было бы возможности играть по вечерамъ.

— Но вѣрно вы чувствуете здѣсь вдохновеніе? не правда ли? повторила Корнелія.

Пѣвица пристально посмотрѣла на эту лѣди, какъ будто ей сказали непонятныя слова, и потомъ произнесла:

— Я чувствую, что мнѣ здѣсь тепло. Я начинаю любить это мѣсто.

Величественная Корнелія сдѣлала шагъ назадъ.

Въ это время луна представляла собою серебряный шаръ на краю сѣро-голубаго круга, очерчиваемаго вершинами сосенъ, и при ея свѣтѣ, падавшемъ на странную маленькую особу, когда она вышла изъ тѣни, чтобы надѣть чехолъ на арфу, можно было видѣть, что она была одѣта очень просто, и что ея шляпка далеко не имѣла новѣйшаго фасона. Сестры замѣтили, что шнурокъ на одной изъ ботинокъ развязался. Ихъ поразили также необыкновенный черный лоскъ ея волосъ и густота ея длинныхъ черныхъ бровей. Арфа ея была теперь совсѣмъ закутана, и корнетъ Вильфридъ Поль, который все время наблюдалъ ее, балансируя то на одной, то на другой ногѣ, выступилъ впередъ и заявивъ, что рѣшительно не позволитъ ей нести инструментъ, попросилъ позволенія помочь ей.

— Она очень тяжела для васъ, прибавилъ онъ.

— Даже слишкомъ тяжела, сказала она, удостоивая его улыбкой благодарности. — У меня есть кому нести ее. Гдѣ же Джимъ?

Она кликнула Джима, и изъ-за песчаной насыпи вышелъ широкоплечій мужикъ.

— Пожалуйста, возьми мою арфу, и какъ можно береги ее отъ сучьевъ, да не споткнись.

Она произнесла это, какъ будто давала ему вечерній урокъ, и потомъ съ внезапнымъ восклицаніемъ расхохоталась: — Ахъ, да! вѣдь

я еще не сыграла тебѣ твою любимую пѣсню ; ты долженъ получить ее непременно!

Вмѣстѣ съ этимъ она сдернула чехолъ и, бросивъ на слушателей ласковый, свѣтлый взглядъ, она забренчала «Giles Scroggins», національную британскую, пивомъ рожденную арію, между тѣмъ какъ Джимъ, оскаливъ зубы, безпрестанно утиралъ кулакомъ ротъ.

— Это его любимая пѣсенка; я отъ него и выучила ее, — выразительно сказала она обществу. — Я играю ее для него каждый вечеръ; и за то онъ бережетъ мою бѣдную арфу, — боится споткнуться, чтобы не разбить ее въдребезги.

Джентльмены были въ восторгѣ отъ аріи, которую она исполнила съ достаточнымъ чувствомъ; но леди молчали до той минуты, когда нужно было поблагодарить пѣвицу за доставленное удовольствіе; при этомъ у всѣхъ показались нѣжныя улыбки и всѣ выразили надежду услышать ея пѣніе еще разъ.

— О! сколько вамъ угодно, сказала она, и первую подала руку Арабеллѣ, потомъ Корнеліи и наконецъ Адели. Передъ джентльменами она, повидимому, колебалась, и когда Вильфридъ приподнял свою шляпу, она замѣтно сковфузилась, весьма неловко поклонилась и ушла.

— Доброй ночи, миссъ! окликнулъ мистеръ Церикль.

— Доброй ночи, сэръ! отвѣчала незнакомка съ нѣкотораго разстоянія, и вмѣстѣ съ словами сдѣлала реверансъ.

Сестрицы постояли немного вмѣстѣ, разговаривая о ней не безъ восторга.

— Божественно! не правда ли? сказала Адель.

— Что божественно? ужь не послѣдняя ли пьеса? спросила Корнелія.

— О, Боже мой! вовсе нѣтъ! воскликнула Адель.

Потомъ сдѣлано было открытіе, что всѣ онѣ обратили вниманіе на распутившійся спурокъ, и эта пустая вещь послужила ключемъ къ нѣкоторымъ соображеніямъ относительно ея положенія въ обществѣ и поведенія.

— Сожалѣю, что у меня не было дюжины букетовъ! вскричалъ Вильфридъ. — Она заслуживаетъ ихъ.

— Понимаетъ ли она и чувствуетъ ли, что поетъ? или это одна только способность? спросила Корнелія мистера Сомнера.

Джентльменъ этотъ слабо защищалъ незнакомку потому собственно, что ее вовсе не просили пѣть вакхическихъ арій.

— Вообще она пѣла хорошо! сказалъ онъ.

— Я говорю, что она пѣла *слишкомъ* хорошо, проговорила Кор-